

Николай Жуйков

НАДЕЖДЫ

ГОРЕЧЬ

Книга лирики

Серия

«Шаг навстречу»

Центр социокультурной анимации «Одухотворение»

ББК 84
Ж 84

Николай Жуйков

Горечь надежды. Книга лирики.
М., Издательский центр ЦСА «Одухотворение»,
2006 – 80 стр.

Николай Жуйков – самодеятельный поэт из села Архангельского Шабалинского района Кировской области. Его стихи публиковались в районной, областной газетах, в нескольких журналах и коллективных сборниках, в самиздате, там он более известен, а коллеги в проводимых поэтических конкурсах не раз называли его стихи лучшими.

Горечь и надежда настолько сильно сплетены в его стихах, что эти два, вроде бы несовместимых слова, как раз наиболее подходят для названия его первого авторского сборника.

© Николай Жуйков. Стихи. 2006
© Ирина Позднякова. Рисунки. 2006

Николай Жуйков

Горечь надежды

Книга лирики

Москва, 2006

Колодец

Мой колодец зарос травой,
 Стал не нужен, как я – стране...
 Я забыл, как вода его
 Больно зубы ломила мне.

Я забыл, как шумела цепь,
 Как плескалась вода в бадье,
 Как порой от лучей я слеп,
 Что играли в живой воде.

Я забыл... Мне забыть дано.
 Мне уже не пятнадцать лет.
 Я и сам позабыл давно
 И заброшен в колодец бед.

Но покуда не стал травой,
 Прозябая на самом дне,
 Дать хочу, как воды живой,
 Лучших песен своих стране.

* * *

Где же твоё королевство,
 Где не лукавят, не бьют,
 Где не отраву, а сердце
 Всем по частям раздают?...
 Где ты живёшь, королева
 Самой счастливой страны,
 Той, где направо-налево
 Зря не транжирят чины?
 Где понапрасну не будут
 Вешать тебе ярлыки,
 Где ни дурак, ни ублюдок
 Вовсе не метят в князьки.
 Где же то место святое,
 Где по заслугам – почёт,
 Где непродажным героям
 Золото славы течёт,
 Где не осудят за то, что
 Ты одинок и убог,
 Что за душою – болото
 Горя, нужды и тревог?
 Где же найти королеву,
 Чтоб предалась не деньгам,
 Чтоб покорить, будто Еву,
 Смог я, наивный Адам?
 И не ишу я дворянку...
 Мой отвергая этаж,
 Пусть бы позвала крестьянка
 В свой деревенский шалаш.

* * *

Косые взгляды пешеходов
Стреляли в сердце. И копя
Презренья пули, шёл Нефёдов
И трупом чувствовал себя.

Менялась плавно вереница
Домов, деревьев и теплиц,
Менялись улицы и лица,
Но не менялись взгляды лиц.

И шёл Нефёдов виновато,
И нёс заплечную суму.
Шёл из тюрьмы, как будто надо
Идти ему опять в тюрьму.

Он шёл, как шёл последний, вздорный,
Весне ненужный, белый снег.
И белый свет казался чёрным
И насмехался белый свет.

Все – обвинители и судьи,
Каждый – негодяя душой,
Грехи свои забыли люди,
Но не забыли грех чужой.

А грешник шёл, во всём виновен,
Виновен в том, что шёл туда,
Где у разрушенной часовни
Его встречала пустота...

Притяжение

Когда с чужбины возвращаясь,
Войду в село, ускорив шаг,
Ботинки пылью осеняя,
Под ноги бросится большак.

Меня собаки не узнают,
Устроят уличный скандал,
Старушки франтом посчитают,
Который сёл-то не видал

Я родину узнаю с ходу,
Пусть зарастут быльём сады
И покосятся в огородах
Избушек тёмные ряды.

Как жизни крепость вековая,
До боли милая душе,
Предстанет мне изба родная,
Довольно старая уже.

Калитка скрипнет, охнут двери
И на пол ухнет чугунок,
И мать сначала не поверит:
«Да неужели ты, сынок?!»

Ладони вытрет, как обычно,
И брызнут бусы крупных слёз,
И сладко мылом земляничным
Задышит облако волос...

Возвращение

О, как приятно возвращаться
В родимый край, где тополя
У речки узенькой толпятся,
Руками шумно шевеля.

Край рыбаков и скотоводов
Меня пьянит вином цветов,
Духами пряных огородов
И духом пасек и стогов.

Край пастухов и земледельцев,
Как тихий рай. И здесь, в раю,
Вовсю отплясывает сердце
Чечётку лучшую свою.

Здесь я от счастья молодею,
И в дымке, будто в молоке,
Поёт о радости аллея
Мне на зелёном языке.

Всё отдаляясь от чужбины,
Иду по улочкам села,
Снял ветер с вишни паутину,
Она лицо мне оплела.

И, сумасшедший, я не знаю,
Зачем страдал в чужом краю?
И вот теперь родному краю
Больное сердце отдаю.

Сенокос

Жара жужжит в жасмине, жёлтая,
И страшно подойти к нему.
Мне квасу бы – за бочку золота,
Атлантику саму!

А я, не замечая норова
Жары, что правит всем, гребу!
И грабли жалуются здорово
На тяжкую судьбу.

А я не жалеюсь на оводов
И на усталость рук и ног,
Трезубцем вил бросаю молодого
День золотой на стог.

Со мною ты, моя помощница,
Крестьянка добрая моя.
А туча злая хорохорится,
Хлопочет, плач тая.

Уже стрелой калёной хвалится,
Из фальконета лихо бьёт,
От страха даже каракатица,
Глядишь, в воде помрёт.

Но мы не лыком шиты, крепкие,
Кручёны проволокой так,
Что песню-буфф включили меткую
В репертуар труда.

* * *

Я бегу-молодею,
Ноги сами несут,
Все печали развею
В полудиком лесу.

Там, на кучи, под ёлки
Для своих шалашей
Резво носит иголки
Стройотряд мурашей.

Там пирует пируха
На стволе золотом,
Там вкуснее краюха,
Чем за чайным столом.

Там меня шампиньоны
Ждут немало минут.
И по травам зелёным
Ноги сами несут!

Кладовка

Спят на оконном переплёте
Сухие осы и жуки,
И, позабывши о полёте,
Спят, как живые, мотыльки.

Там, в тёмном таинстве кладовки,
На полках яблоки лежат.
И хмель подвешен на бечёвке,
Наполнен перцами ушат.

Туда несут крестьяне лето
В корзинах, вёдрах и мешках.
Кладовка – сплав земли и света,
Дом летней щедростью пропах.

В сенях хозяйка молодая,
Лук сортируя, как пасьянс,
Самозабвенно напевает
Волнующий до слёз, романс.

* * *

Косы на поле отпели
Песни раздольные лету.
Скирды, как будто постели
Тучам, бродящим по свету...

Кажется, что не допеты
В зарослях – птиц серенады,
И золотые рассветы
Чуть недолиты в мускаты.

Небо недопито полем,
Крылья не сломаны в небе...
Допьяна хочется воли,
До смерти хочется в степи.

Но на дворе уж не лето –
Холод, предзимье, безлюдье...
Пусть! Но в груди у поэта,
Музыкой – краски июля!

Музыка

Сергею Есенину.

Она влечёт, как чистая душа,
Зовёт в пределы грёз и наслажденья.
Она сама – душа воображенья,
Вершина золотая куража.

О, музыка, способная пленять!
Она легко тебя очаровала,
Вошла в тебя, разбив сначала
Твоей печали чёрную печать.

Вручая Богу душу, ты вкусил
Бальзам блаженства, грёз и вдохновенья,
И превратился в звуки стихопенья,
И чьи-то беды в звуки превратил

Интермеццо

Из памяти многое может стереться,
Но ты не сотрёшься, ты – память сама.
О, как ты играла тогда интермеццо –
Себя и судьбу, реализм и обман!

О, как мотыльками порхали мотивы,
О, как мотыльки – корифеи садов –
Порхали, кипели, сплетались игриво
Причудливо, в странные формы цветов.

Ты музыки музой была, ты царила
Повсюду, и не было войн и скорбей,
И только в зелёных руинах кизила
Фальшивил один озорной воробей.

Тебя перепеть он пытался в округе,
Чирикал всюду, раздувая бока,
И тенору гордо внимала подруга,
И в клюве герою несла червяка.

Шарманка

Шарманка жалобно рыдала у ворот,
Смеялись редко медные монеты.
Играл старик, бежал по коже пот,
Фальшивил мальчик голосом Лоретти.

Рычали псы, ворчали господа,
Кружилась пыль, деревья опыляя,
Усталый ветер хлопал иногда
В большие рамы маленького рая.

Был голос смел шарманки и певца,
Был огурец и был лафитник водки,
Ходила голь, не требуя венца,
В краю нужды, богатства и чахотки.

И нынче голь святая там и сям,
И дикий ужас бедности и барства.
Моя шарманка вторит беднякам
Фальшиво плача в духе дилетанства.

Народное гулянье

Была пора веселья и задора,
Гудела площадь праздная в селе,
Кумир толпы, за водочкой задорно
Лез по столбу – завидовали все.

А на углу сбывал свои поделки
Башмачник-дед. И там возле ларька
На брошенных обёртках карамелек,
Печатями – подошвы башмака.

Гармонь стонала на руках старушки,
Но мужикам не нужен был гавот,
Они стремились к девке-хохотушке,
Что подавала к пиву анекдот.

Росла к палатке очередь за пивом,
А к пиву были кильки и халва,
Чемпионат по пьянке, некичливый,
Переходил в кичливые слова.

И пел частушки бог провинциальный –
Деревни принц и первый антиквар,
И хохотали даже «несмеяны»,
Вбивая гвозди пляски в тротуар.

* * *

Дом возвышался над землёй,
 Росли ряды раздетых брёвен,
 Пила звучала за пилой,
 В оркестр входил топор, настроен
 Часами музыку творить.
 Ударно молотки гремели,
 Гвоздя тактично: раз-два-три...
 Десятки звуков ввысь летели.
 Я слушал музыку труда,
 Деревья слушали, деревня,
 А эхо устремлялось вдаль,
 Чтоб разносить повсюду пенье.
 И растекалось средь полей,
 Берёз и елей, будто в залах
 Консерватории своей
 Сольфеджио преподавало.
 Как сплетня, эхо разнеслось –
 Дом занял «босс» с женой на пару...
 Заколотив цинично гвоздь
 В мою бездомную кифару.

* * *

Пилим доски. Визжит циркулярка.
 Пыль древесная из-под пилы.
 Переполнена шумом столярка,
 Ароматом опилок, смолы.

Не беда, что промокли рубахи:
 Соль работы костей не разъест.
 И покорно ложатся на плаху
 Ели, сосны из леса чудес...

* * *

Не слышны частушки птички
 В деревнях лесных,
 У деревьев мозаичных
 Вновь цветные сны.
 Мне от снов их – вдохновенье,
 И несу домой
 Драгоценное творенье
 Осени лесной.

Осень

Шла на этюды в лес и в поле,
Творила осень реализм.
Не так ли, дивную до боли,
Картину пишет пейзажист?

Творила осень, как впервые,
Перемешав кармин и крон,
Роняя кляксы золотые
На бронзу трав и анемон.

Моя душа, творить желая,
Брала уроки у неё,
Моя душа, изнемогая,
Пыталась выразить своё.

Живописать она училась,
И от простого чертежа
К полотнам осени стремилась
Моя зелёная душа.

* * *

Годы выпиты до дна.
В опрокинутой бутылке
Капли горького вина,
Рядом – банка из-под кильки.
Пир – при гибели зари,
Ветер пахнет папиросой,
Ничего не говори,
Уноси домой вопросы.
Не вернуться, никогда
Годы лучшие – пропиты.
Серость будней, пустота,
Целым миром позабытый,
Как в темнице конокрад,
Я сижу, не видя света,
И красиво говорят
Некрасивые газеты.

Поэту

Свобода слова и печати –
 Не для тебя, ты одарён.
 Дельцам печати ты – нехстати,
 У них неписанный закон:
 Что лишено ума и чувства –
 Рекламой вскинут до небес,
 А настоящее искусство
 Для них – пустой набор словес.
 Но ты пиши не для безумцев,
 Им нужен бездарь, а не ты.
 Когда-нибудь лучи пробьются
 Сквозь толщу этой темноты.
 Тогда и будет, будет кстати
 Ценить забытый нынче стих,
 Эпоха подлинной печати
 С толпой читателей твоих.
 В кругу большого их семейства
 Тебе ли почести вкушать? –
 Ты бюрократов нынче жертва,
 Но завтра... завтра почитать
 Тебя посмертно станет эта
 Непостижимая печать.

* * *

Войной изранена земля,
 И чья-то жизнь – монета.
 И резолюции Кремля –
 Сплошные взрыв-пакеты.
 Мы все убиты, всюду бой,
 Убиты горем вечным –
 Ушёл в бессмертье взвод-другой,
 А власти – зло-беспечны.
 Им не играть в боях с огнём,
 При жизни ад не видеть,
 Они потягивают ром,
 Смакуют чинно мидий.
 Их речи – басни, шум пустой
 И опиум народа.
 Здесь – пир горой,
 Там – кровь рекой, –
 Вот русская свобода!
 Им всем к лицу богемный век,
 Театр словесной битвы...
 Везут. Везут с войны калек
 И мальчиков убитых.
 Кому-то – смех и рай земной,
 Кому-то – слёзы, раны.
 И нет победы, только бой,
 Жестокий и бесславный.

Печальная песня

Дикие вязы, пустые дома,
Травы густые, высокие –
Здесь деревенька, большая весма,
Корни хранила глубокие.

Здесь хоронили, рожали, плели
Лапти да речи нехитрые,
Сеяли, жали, не знали земли
Краше, чем эта, где сытые.

Годы прошли, опустели дома,
Дикими стали поскотины.
Где вы, крестьяне, какая чума
Вас отлучила от родины?

Да не ответит ни мёртвый покой,
Ни коростель, что азартную
Песню заводит, как будто легко
Петь нашу Русь непонятную.

Старый дом

Спит, луной увенчанный,
Посреди весны
Старый дом бревенчатый,
Окна – в три стены.
Сладко ночь баюкает
Резеду в саду,
Глухо филин ухает,
Пробуя дуду.
Старый дом под липами –
Деревянный скиф.
В пруд чешуйки ссыпаны
От созвездья Рыб.
Словно счастье давнее
Увидав во сне,
Дом косыми ставнями
Охнет в тишине.
И проснётся в роздыхи,
Нежилой, весны,
В чёрной кадке звездами
С глаз смывая сны.
Не залются скрипами
Петельки ворот...
Домовой под липами,
Сиротою – ждёт...

* * *

Пока мы живём, как живётся, непросто:
 Пустеют селения, души, поля,
 И только растут, расширяясь, погосты –
 Прости нас, земля, прости нас, земля!

Прости нас, Всевышний. Но будет дорога
 Всё шире – к наживе, могилам, скорбям,
 К бедламу и к бойне. А к церкви и к Богу
 Всё уже тропа, всё уже тропа.

В лесах обречённых на вырубку, тленье,
 Всё реже чудачить, чудить соловьи
 Кому-нибудь станут, кто спятит от пенья,
 От бури любви, от бури любви.

На почве на скудной, отравленной вовсе,
 Без дрожи в душе, соберут урожай
 Такой, что никто друг с друга не спросит,
 Чумой дорожа, чумой дорожа.

И редкая совесть, и редкий рассудок,
 Рыдая пред бездной, предвидя уход,
 Молясь пред иконой, попросят, как чуда:
 «Прости нас, Господь, спаси нас, Господь!»

* * *

Толкаю в воздух створки окон –
 Ворвался запах бузины,
 Я красотой дышу глубокой
 Привычно-вечной новизны.

Дышу рапсодией пернатых,
 Дышу экспромтами работ:
 За строчкой строчку пишет трактор,
 Натужно тащит горизонт.

Визжит пила и сеет муку,
 Муку берёзовую. Пьян,
 Делами ветер занят – руки
 Выкручивает деревьям.

И только мне запрет наложен
 На труд. Не ленью – боль души,
 Болезнь дурачится, на ложе
 Кладёт, расстреливая жизнь.

А я хочу, за строчкой строчку
 Тянуть, как трактор – горизонт,
 Переворачивая почву
 К народу моему лицом.

* * *

За мной придут, пленяя счастьем,
Мгновенья длинной чередой,
Тогда болезням и напастям
Они дадут последний бой.

И я, от боли и тревоги,
Пойду в цветы и тальники,
Где будут сыпаться под ноги,
Бобами, чёрные жуки.

Там будет, полный вдохновенья,
Канюк канючить до темна,
Там переспелые растенья
Рассыплут в танце семена.

Там, под небесной акварелью,
Тропа нырнёт в чертополох.
И ты придёшь, и я поверю,
Что есть на свете свет и Бог.

* * *

Изумрудный мотив камыша,
Чисто-синяя песня потока,
Тонут зрение, слух и душа
В море шёпота, запаха, сока.

И не надо уже ничего
В этом сладком запое свободы,
Где становишься в травах – травой,
В глубине высоты – небосводом.

Только было бы это не раз
В этом мире, на этой поляне,
Где душа родилась, растворясь
В красоте, словно сахар – в стакане.

Ночное предгрозые

Словно покой ему неведом,
Вовсю шаманит в камышах,
Упрямый ветер-непоседа,
Пугая молодь лягушат.

И исподволь тревога зреет
То там, то здесь среди ветвей,
И тишина совсем немеет,
И тени лезут из теней.

Вдруг – электричество по телу,
По нервам неба и земли
Прошлось.
И в ночь, меняя тему,
Шальные звуки понеслись.

Покоя, сна нарушив омут,
Ворвался шум, явился страх,
Затрепетало всё от грома
Раскатов гнева в небесах.

В сто молний небо уж пылает,
Разряд преследует разряд.
И дождь пытается, блистая,
Лепить их глины шоколад!

* * *

Дождь отгулял в саду и в поле чистом,
По лужам жидкий жемчуг расплескав.
С карнизов капли падают монистом
В подолы лип и пригоршни канав.

Алмазных брызг подвески на растеньях,
Не оброну в промокшую траву, –
Весь погружён в пучину вдохновенья,
Я в мире зарифмованном живу.

Листать листы, облитые словами,
Так сладко сердцу в бурном море чувств,
Когда на все пылающие раны
Течёт дождём сиреневая грусть.

И пусть беда тяжёлым, строгим стилем
Напишет драму. Но в душе всегда
Пусть, как сейчас – в окне, шемяше-синем,
Цветёт весна, мудра и молода.

* * *

Как вечный символ северного края,
На палисад локтями опершись,
Стоит берёза, словно в кушах рая,
И очень зелено глядит на жизнь.

А в палисаде к яблоне протоптан
Заветный путь сквозь стену лопуха,
И бродит ветер в зарослях укропа
С самодовольством гордым, петуха.

Как пряно пахнет пряником анильным!
Июль ленивый, запахи смешав,
В густом раю, кисельно-молодильном,
Пьёт с августом зарю на брудершафт.

Мне только пять. Я, выходец из рая,
Антоновками тещу сочный рот...
Душа благоуханье собирает
И вам в корзинах виршей подаёт.

* * *

Отравлен жизнью чёрной и порочной,
Немилосердной, милой иногда,
Иду искать милее средоточье
Вина, вины, суда и не суда.

О, рай земной, он перемешан с адом –
Не здесь, в саду. Нет примесей в саду.
Здесь только рай, здесь только виноградарь
Порой ворчит на тлю, на лебеду.

Иду по саду, сад меня не судит,
Счастливец я, сам – счастье и покой.
Завидуйте, судите счастье, люди,
Несчастные, больные глубоко.

Смотрите: я, гуляка, виночерпий,
Здесь черпаю вино и пью, светясь, –
Оно везде: в смоковнице и в вербе,
И в этой вот нелепице для вас.

* * *

День приправлен укропом и мятой,
Лени чашу несёт на плече,
И течёт по округе помятой
Мёд янтарный цветочных лучей...

Живи, любовь

Живу, живу, и ты, любовь, живи.
Живи, как жизнь, как небо и нелепость,
И как живёт земля – не худший слепок
С не лучшего образчика любви.
Люблю тебя, любовь, и потому
Живу. Живу назло вражде и злобе.
Любовь и ненависть – ума лишают обе,
Я выбрал сердцем лучшую чуму.
Живя любовью, я тебя молю:
Живи, живи, как речь живёт родная,
Как я живу, вражду не понимая, –
Не потому ль, что без ума люблю?

* * *

Ты добротой особенной
Сводишь меня с ума,
Светом душа наполнена, —
Солнце слепишь сама.

Ты красотой пронизана
Вся — от волос до пят,
Видно, ты Богом избрана,
Я ж, как Христос, распят.
Даже тень твоя тонкая
Очаровала меня,
Даже ложь твоя горькая —
Слаше, чем правда моя.

* * *

Я не скажу тебе ни слова,
Слов не накличу на беду,
От многословия шального
Сейчас отчаянно уйду.

Уйду, не буду в оправданье
Стрелять свинцом колючих фраз.
Уйду в садовое рыданье
Дождя, слепого от проказ.

Там, слёзы выплавав, берёзы
Листвой весёлой зашумят,
Там в вазах луж замечу розы
И первой астры белый взгляд.

Там, тишиной объят и светом,
Очнусь, подумаю: «ничей...»
И вдруг приду к тебе с букетом
Очаровательных речей!

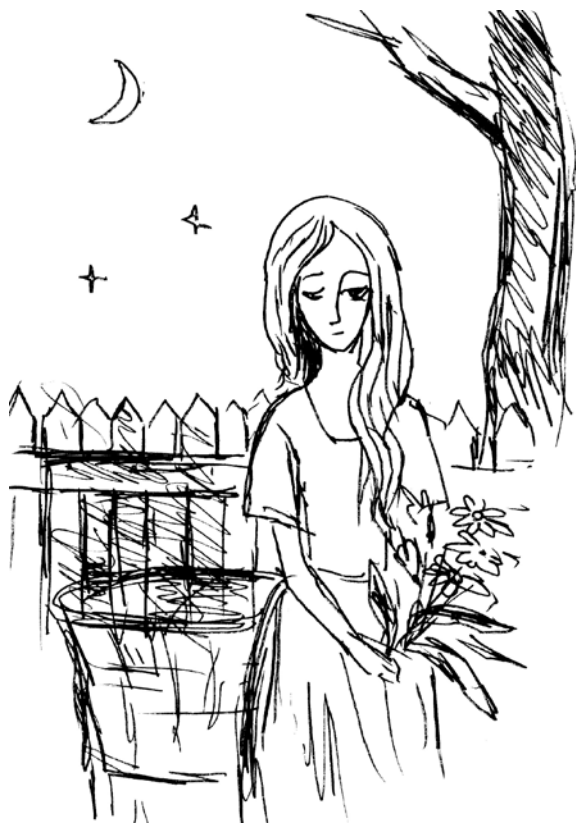
* * *

Она бродила по аллее,
Она цвела, всюду цвела,
Она была вина алее,
 Вином была.

Она грустила о далёком,
Что для неё всех ближе был,
Что в кабаке за Гульским доком
 Вино любил.

Она порхала по округе.
Как мотылёк легко порхал.
Она любила петь о друге,
 А друг не знал.

И я любви хотел и неги,
Хотел желанным мотыльком
Порхать за ней и быть навеки
 Её вином.

* * *

Не порок – моя бедность
И беда – не беда.
Но, судьба, дай за вредность
Золотые года,
Чтоб меня полюбила
Та, что я люблю,
Чтоб удачи светило
Грело душу мою,
Чтоб на ветках весенних
Пели мне соловьи,
Чтоб сбежало мученье
От напора любви,
Чтоб зари семяпочка,
Освятив бытие,
Проросла в эти строчки
Через сердце моё.

* * *

Мы никак не можем встретиться,
 Но у нас с тобой один
 Золотой обломок месяца
 Над рубинами рябин.

Мы – рабы отчизны вольные:
 Кошелёк – пустая блажь.
 У меня – долги нескромные,
 У тебя, обузой, стаж.

Но, по шпалам, в даль таёжную
 Позабыв нужду-беду.
 Я пойду к тебе, хорошая,
 Доберусь к тебе, дойду.

Что мне золото опавшее
 Иль – в выси – ночной казне?
 Всех дороже – ты, сказавшая
 Золотое слово мне!

Осень

Ах, осень! На себя, такая.
 Ты не похожа в ноябре.
 Ты любишь, лета роль играя,
 Его игрушками греметь.

Ты, в маске лета невозможной,
 Хризоберилловой, живой,
 Живёшь, но так неосторожно,
 Что пир устраиваешь свой.

И по яругам и оврагам
 Ты разливаешь хмель небес,
 Однако же, к небесной влаге
 Уже потерян интерес.

Земля – перепила, и зелень –
 Перепила, желая впредь
 Перед чудачеством метелей
 Хотя б немного протрезветь.

Меня литры на палитру
 Куприта, охры, утвердив
 Сухой закон и сбросив быстро
 Чужую маску красоты,

Но расставаться не желает
 Чудачка-осень с тем, что есть.
 Синица славу ей слагает
 Пред усыпальницей принцесс.

* * *

Смеялся ветер над берёзой,
Сгибал в дугу, что было сил.
И смеха пересвист, стервозно,
Он по округе разносил.

Он возжелал в порыве гневном
Раздеть берёзу догола
За то, что в золоте осеннем
Она красавицей была.

Её раскачивал, старался,
Он так хотел её сломать,
Что сам нечаянно сломался –
Притих, чтоб вовсе не пропасть.

Но там, в густых рядах кизила
И без одежды золотой,
Берёза всех с ума сводила
Великолепной красотой.

Ах!

Ах, какие астры отцвели
И какие нивы отжелтели!
Птицы по привычке улетели
Зимовать на краешке земли.

Отзвенели косы на лугах,
Отгудели осы в медоносах.
Ах, какое сено на покосах –
Прошлое покоится в стогах!

А какие рыжики в бору!
Там меня, отчаянно чаруя,
Аромат грибной, как на пиру,
Переполнит душу молодую,

Наломая головы грибам,
Наберу корзинку княженики,
Принесу, и в хате по углам
Дух лесной забродит сладко-дикий.

А в окно мне тянет кисть, дразня,
Самая красивая рябина.
Ах, какое лакомство у тына
Манит в сад безудержно меня! –

Там, соседка милая, в саду
Так поёт, от ягод озорная!
И такая сладкая, хмельная
Расцветёт любовь – не на беду!
Ах, какая!..

* * *

О, как в лесу великолепно!
 Я здесь хотел бы жить всегда,
 И через кроны видеть небо,
 Как море дел – через года.

В лесу, не ведая печали,
 Сама душа – звено его.
 Меня берёзы обвенчали
 С душою храма своего.

Я в этом храме не нарушу
 Покой и птичью трескотню,
 И переполнит счастье душу
 Зелёно-синюю мою.

Сквозь ветер

Ветер дует в трубы стужи,
 Но, накинув пальтецо.
 Я спешу к подруге лучшей
 За оград полукольцо.

Вязы вязнут в поле топком,
 Зябко ёжатся кусты,
 В радость мне – идти по тропкам,
 Зная, ожидаешь ты.

Любо мне к тебе стремиться
 Сквозь пощёчины ветров,
 Холод ощущая в мышцах,
 Пустолаек нелюбовь.

Что мне эта перебранка,
 Хулиганка-круговерть?!
 У тебя ли мне, вятчанка,
 Плоть и душу не согреть?

Пусть гуляет непоседой
 Ветер бурных перемен,
 У меня на сердце – лето,
 На уме – твой пылкий плен.

Ты сведёшь с ума, шальная,
 Чтобы этот плен терпеть
 И на золото молчанья
 Променять куплетов медь.

* * *

Посиди со мной, не уходи.
 За окном – позёмка роковая
 Заметает торные пути,
 Стаи страха в поле собирая.
 Я тебя укурю потеплей,
 Чай из трав заварен ароматный.
 В том, что дни короче в ноябре,
 Разве мы с тобою виноваты?
 Оставайся! Может, до утра,
 Может, на всю жизнь. Или – до лета.
 Оставайся! Осенью ветра
 Продувают до костей планету.
 Не спеши! За окнами темно,
 Ветер воет, колесит по саду.
 Провожу тебя я с грустью, но
 Разреши, позволь остаться рядом!

* * *

Последняя синь уже вышвела,
 И небо бледнее бельма.
 Косынкой крахмальной, ситцевой
 Прикрыла поляны зима.

Везде раскидала поблёскивать
 Снегов серебристый песок.
 И вьюга пришла прополаскивать
 Сады возле белых дорог.

Зима сумасшедшая, жгучая,
 Шалит, разнося свой напев,
 Сады белорукие мучая,
 Все уши кустам прозвенев.

И в этих кустах перекошенных
 Твои затерялись глаза,
 И думы, такие хорошие,
 Уносят тебя за леса...

Зимний лес

Зима в лесу чиста и глубока,
Она в блондинок ёлки превратила,
И вьюга им сонату посвятила,
Сыграв её на дудках тростника.

Сплели венок следы бурундука,
И отгиски нехитрые лисицы,
Легли строкой на белые страницы,
И кляксы шишек брызнули в снега.

Пришла сюда лыжня издалека,
Остановилась, в город повернула,
Примяла снег, но песню не спугнула,
Что сочинила муза тростника.

В ней ощутима грусть или тоска
По дням, когда в природе больше красок.
Но зимний лес, по-своему прекрасен,
Стоит, как ваза в замысле цветка.

Метель

Метель смеяться научилась,
Вовсю высмеивает тьму,
Шального шлейфа белокрылость
Приладив к саду моему.

Кольшутся кусты, как юбки
На потрясающем балу,
И барабан калитки чуткий
Гул рассыпает на углу.

В страну Метелию задорно
Метель зовёт меня давно,
Бросая пригоршни задора
В моё хрустальное окно.

Я выхожу. И краше рая,
И ослепительней огня,
Метель блистает и, блистая,
Смеяться учит и меня.

И я, смеясь, любя напевы,
С ума свихнувшийся поэт,
Как в королевстве королевы,
Холодной ласкою согрет.

* * *

Зима запрятала дорогу...
 Тропу к порогу твоему
 Зима запутала. И Богу
 Я доверяюсь одному...
 Ты открываешь дверь. Улыбка
 Скользит по лунному лицу.
 Ты открываешь... Вся – открытка,
 Вся – поздравление молодцу
 За то, что я тебя на свете
 Нашёл средь миллионов жён.
 Да, я нашёл. И губы эти
 Губами жаркими обжёг.
 И грудь холодную, пустую
 Мне оживил огонь святой.
 И ты, пьяна от поцелуя,
 Блистаешь нежной красотой.
 Не ты ли – Струйская отныне?
 Тебя ли Рокотов писал?
 Не твой ли взор невинно-синий
 Запечатлел навек Шагал?
 Не твой ли...
 Сам увековечу
 Твои глаза – мою весну,
 Лишь отвори себя навстречу
 Большому чувству моему.
 Вхожу к тебе, чтоб не остаться
 В зиме, в запутанной судьбе,
 Не для того, чтоб нам расстаться.
 Вхожу к тебе – вхожу к себе.

Вхожу любить. И грудь пустая
 Пускай наполнится тобой!
 Хочу любить, не узнавая
 Любви твоей – в любви другой.

* * *

До глаз дома стоят в снегу,
 Сутулые, седые.
 В сосняк на лыжах я бегу,
 Бегу в поля пустые.
 Ещё жива беда-печаль,
 Пора бы им стереться...
 Чтоб только снег и только даль,
 И только солнце в сердце.
 И я веду лыжню туда,
 Где, как царевны, сосны,
 Где вековая красота
 И пни венеценосны.
 Там белки шишками шалят,
 Куёт удачу дятел,
 И я всему безумно рад –
 Не зря я день потратил.
 Душе – спокойнее, бегу
 Домой, где ждут родные.
 До глаз дома стоят в снегу,
 Сутулые, седые.

* * *

Когда растает в поле снег,
 Река затопит побережье,
 Утонешь ты в лучах, как прежде,
 Утонешь ты в красе-весне.

Вода дойдёт до гряд, оград,
 Как оккупант, зальёт овраги,
 Канавы, пустыри, коряги,
 Поля и даже палисад.

Захватит свалку в яме, там,
 Чтоб нацепить на грудь, на шею,
 Получше выберет трофеи
 И прочь покатит к берегам.

Вернувшись, запоют скворцы,
 Охватят души всей округи
 Таким весельем, что науки
 Забудут в классах школяры.

А солнце – всюду: на лугу,
 В груди, в руке, в реке, в аллее,
 Игру лучей своих затеет
 Таковую, что проймёт тоску.

И, сдав позиции, она
 Прочь по щекам сбежит слезами.
 Весна, нахлынув, как цунами,
 Налъёт любви пьяней вина.

* * *

Не приеду в город, самый барский,
 Не куплю московские цветы,
 Вновь уйдёт троллейбус до Ангарской,
 До – тебя, до розовой мечты.

Без меня – в который раз – уедет,
 И ни разу, лучшая из всех,
 Ты не вспомнишь, что живёт на свете
 Безнадёжно влюбчивый поэт.

Он дарил тебе напевы сердца,
 Слов-бутонов сладкий аромат.
 Он ушёл в далёкий город греться
 На груди, в которой есть азарт.

И пускай согрет я буду лаской
 И захвачен городом другим,
 Но в мечтах мне ехать до Ангарской
 К поцелуям розовым твоим.

* * *

Меня зовёт далёкий город
 Волшебным голосом твоим –
 Я снова счастлив, снова молод,
 Опять влюблён и вновь любим.

Но не хочу тебя, чужбина –
 Милей дворцов и площадей
 Мне эти избы возле тына,
 В ногах берёз и тополей.

Судьбой дана мне путь-дорога
 Не в рай бетона и стекла,
 Ведь я – кузнец и жнец от Бога,
 И на земле мои дела.

Любой земляк мне друг желанный,
 Считай, что брат, любой сосед.
 Здесь, что ни дед – философ главный
 И жнец, и плотник, и поэт.

Я не могу, моя родная,
 Покинуть этих молодцов.
 Я украду тебя из рая –
 Рожать поэтов и жнецов.

* * *

Дожди косились на косилки,
 На косы, грабли и дома.
 Косцы, косые от бутылки,
 Дожди ругали в мать-про-мать.

А я люблю дожди и грозы,
 Но в этих частых, не грибных
 И сердце тонет, и покосы,
 И сам изматерился бы.

Но кончились дождей припадки
 И кончились бутылки, мат,
 И косы, как жуки в рабатке,
 На поле весело жужжат.

Деревню затопило солнце,
 Оно – в цветах, в листве берёз,
 На грядках, в лужах. И смеётся
 Июль, просвеченный насквозь!

Лето

Какое лето, ласковое лето!
Как будто лайка, нежная от ласк,
И лижет Вас, и ластится при этом,
Весёлым визгом оглушая Вас.

Какое лето! Солнце в огороде
Из липы око жмурит на ранет.
Лежит на грядке дыня в позолоте,
Себя считая солнцем всех планет.

А ветер с маками вовсю плутует,
С былинкой тонкой пляшет так и сяк
И пьёт росу, и байку озорную
Укропу излагает про сорняк.

А Вы, в корзину лето собирая,
Птиц удивляя арией живой –
Сама Киприда из земного рая,
Сама любовь, сама краса его.

Какое лето! Чудо в огороде!
Сам Аполлон на лире золотой
Слагает гимны деве и природе,
Поправши дыню гордою пятой.

Как будто древняя воскресла Греция:
Корзины фруктов, амфоры вина,

Волы и фуры, и рабовладельцы,
Рабы, каменоломни, письмена...

О вымысел! И я в Элладе древней
С гречанкою в оливковом раю,
Дарю ей лето и плоды вселенной,
И нашу эру, и любовь мою...

Есть на свете ты

Не беда, что хмеля нет –
Есть на свете ты!
Буду пьян тобой сто лет –
Есть на свете ты!
А с тобой вода – вино,
Без тебя – беда.
Если нет самой воды –
Есть на свете ты.
Пусть долги-налоги есть,
Закрома пусты,
Захочу я пить и есть –
Есть на свете ты.
Дашь вино и винегрет,
Я спрошу: «А – ты
Будешь пить?» Ответишь: «Нет,
Есть на свете ты...»

Ромашки

В поле ромашки растут для тебя,
Да не гадай, не гадай же!
Может, беду нагадаешь, губя
Счастье нелёгкое наше.

Сердцу поверь, не обманет оно:
Любит, тоскуя, ревнуя...
Но всё равно, для тебя всё равно
Море ромашек нарву я.

В город приеду, людей насмешу:
Этих ромашек медовых
Я привезу для тебя, словно шут,
Словно травы – для коровы.

Ведь не подарок – любовь дорога,
Что там гадать, если всё же
Любит чудак, а любовь чудака
Этих ромашек дорожке.

Крепче алмаза, клинка и вина,
Страсти превыше Рогдая.
Любишь ли ты, я не знаю, и на
Лучшей ромашке гадаю.

Фантазия

О, это ягодное царство,
Сюда бы милую мою!
Я позабыл бы хулиганство.
Бродил бы с нею, как в раю.
И, как медведь, в малинник лез бы,
Смеясь, горстями нёс плоды.
И чувствовал себя, как леший,
Хозяином своей судьбы.
И ни за что я не ушёл бы
От губ малиновых, клянусь!
Запутал бы от счастья тропы
И позабыл обратный путь.
Зато в глазах нашёл бы звёзды
И море бурное – в груди.
Хочу с тобой в шатёр под сосны,
Хоть целый мир меня суди!
А без тебя в кустах малины.
Я – будто перец в крем-брюле.
Как плохо жить без половины,
Без самой сладкой, на земле!

Муза

Мелели речные прожилки,
Лихой забывая фальцет.
Травы изумрудные былики
Теряли и запах, и цвет.

А солнце топилось, как сало
И капало смачно в поля,
И жаром жаровни дышало,
Лучами едва шевеля.

И в этом безоблачном пекле
Лениво гудели шмели,
И жимолость жёлтые веки
Смежала, клонясь до земли.

И было не жаль опахала:
Дыханье зефира творя,
Больное лицо овевала
Крестьянская муза моя.

А после, меня позабывши,
Сумела она упорхнуть,
Оставив холодные вирши
Пожару какому-нибудь.

Пустела душа ледяная,
Лихой забывая фальцет...

Но женщина, фея земная,
Пришла и оставила след.

Покой потеряв от волненья,
Пою для неё, не тая,
Что ныне она, без сомненья,
Крестьянская муза моя.

Ария воспоминаний

Мы в лодке были. Чмокала вода.
Луна, как масло, форму потеряла.
Ночная жизнь в селенье затухала.
И только псы бранились иногда.

Мы в лодке были – не было беды,
Я целовал тебя безумно-долго,
Но крен дала изношенная лодка,
И мы смешались с пламенем воды.

Промокли спички, не было костра,
Сушил одежду аквилон, и плавно
Ты две луны несла, моя Диана,
Вложила мне их в руки и в уста.

Ночные птицы, сон презрев полей,
Для нас одних слагали ариозо.
Была любовь, поэзия. А проза
Была в былом, в оставленном селе...

Была любовь. Любовью ты была,
Ты страстью пламенела неземною,
К плечам моим, расписанным судьбою,
Примеривая рук своих крыла.

* * *

Мои пути всегда без смысла,
Всегда без радости дела.
О, ради Бога, ради жизни,
Остановись, дорога зла!
Я, как слепец и как безумец
Иду по чёрной колее.
И нет мне светлых дней и улиц,
Домов приветливых в селе.
Здесь для меня – одни печали,
Одни насмешки да плевки.
Лишь иногда – больной, усталый,
Я отдыхаю у реки.
Я отдыхаю от страданий
То в поле, то на берегу.
Ищу звезду моих мечтаний,
Надежду в сердце берегу,
Что встречу нежную отраду
Средь бессердечных болтунов.
Что мне ещё на свете надо,
Когда придёт ко мне любовь?!
Она мне даст покой и счастье,
Сумеет душу оживить,
Когда откроет сердце настужь
И позабудет вдруг закрыть.

* * *

Всё чаще думы о тебе...
Зачем, зачем?
Мне не подняться по тропе
На твой Эдем.
И не позвать тебя в мой ад,
И ты сама
С высот не спустишься рыдать,
Сходить с ума
От всех лихих моих годин,
От губ и слов.
Уж лучше я – в предел вершин,
Чем ты – в мой ров.
Уж лучше согнуться мне в грязи
Тоски-беды.
Прощай, любовь! Или спаси
От власти тьмы!

* * *

Не жгу торжественные свечи,
 Не жду шутов и пустомель,
 Не жму твои ладони, плечи,
 Сижу в углу, гляжу в метель.

Не выйду в ночь и в ветер жгучий
 Не завернусь в метельный мех.
 Всю ночь – грустить о самой лучшей,
 Жалеть жалейкою не тех...

Всю ночь, забыв, что есть свиданье,
 Всю ночь, разлуку не любя,
 Я буду лить в бокал страданье
 И пить, печалюсь, не тебя.

Но одиночество развеяв,
 Сойдутся близкие пути –
 И тем свечам благостно веять
 В большой и маленькой горсти.

Прима-балерина

Майе Плисецкой.

О Майя, о любовь моя святая,
 Ты хрупкая, как бабочка сама,
 Весь мир, словно на крыльях облетая,
 Лишила равнодушия, ума.
 Ты покорила мир, и мир – в безумье
 Упал к твоим крылам, к твоим ногам
 И ты, в его умалишённом шуме,
 Взошла на трон любви, вошла в века.
 Умыт слезами гордости и счастья,
 Подвластен чародейству самому,
 Наполнил мир слова душевной страстью
 И бросил их к Олимпу твоему.
 А ты, сама гармония и тайна,
 Ему танцуешь, с лёгкостью кружа,
 Отраду Кальмана и боль Адана,
 И душу колдовства и куража.
 И только славы свет и слава света,
 И вечный танец триумфальный твой
 Блистают так, что резвый бог балета
 Окаменел перед тобой.

Евтерпе

О, музыка!
Ты – амфора с мечтой,
Тебе соперниц нет и нет предела.
Ты – на престоле вечной красотой
Элладу, мир и свой престол воспела!

* * *

Жёлудем жёлтым луна на суку
Сухо висит, невесомо.
Жмурятся в лужах, как росы в траве,
Сёстры-Медведицы неба.
Я забываюсь на тысячу лет,
Слушая ветер в деревьях.
Падают звёзды в глаза, торопясь
Сделать меня человеком.

Примечание: Евтерпа – богиня музыки.

Цикламены

Пленительны на клумбе цикламены,
Как женщины в любом краю земли.
На сцене осени цветы бесценны,
До заморозков первых доцвели.

Благоухание идёт такое
От их отчаянной, прошальной красоты,
Что потерял Локуций нити слова,
И у меня извилины пусты.

А цикламены будто очумели,
Не спят в саду, как заключив пари.
Не спят в саду, и в царстве этом сонном,
Хмельные тем, что юность – во плоти,
Что жизнь дана и по её законам
Дано вот так отчаянно цвести.

Примечание: Аий Локуций – бог речи
в древнеримской мифологии

На рынке

На рынке я торгую редькой,
Прилавки снегом порошит,
И усмехается соседка,
Сбывая выгодно ковши.

А справа старая цыганка
Меха и кольца продаёт
И хмуро смотрит на собаку,
Что ходит около колод,

Где стынет мясо на морозе.
А рядом – холеный цыган
Косит глазами, словно косит
Весь этот рынок-балаган...

Я продал редьку, я ликую,
Пляшу от холода и жду,
Когда мне взвезят, вот такую –
Оближешь пальчики – еду!

Я покупаю пряник сладкий,
Мясную косточку, и той
Даю собаке, а собака
Пошла за мной, пошла домой.

Снегопад

Зима дохнула снегопадом,
Укрыла роши и поля
Белёсо-пышным маскхалатом,
В дозор поставив тополя.

И в этом сполохе снежинок
Ни зги не видно, так пуржит,
Исчезли ленточки тропинок,
Дома, речушка, нет ракит.

Занесены поля и кровли,
Метелью затканы холмы,
И только бабы на подворьях
На тын повесили холсты.

И только прорубь синеоко
Глядит на этот снегопад,

И только прячется сорока
Под кряж, воткнутый в палисад.

Отраднo мне это круженье
Пушистых белых мух в выси,
Ведь я родился в то осень,
Что снежит новый лик Руси.

Признание

Россия славная моя!

Влюблён в красу твою иконную,
Мне самому не ведом грим,
Твоя душа непокорённая
Мою сумела покорить.

Тобой богат, с тобою бедствую,
Имея волю да суму,
Живу с тобой не по соседству я
И крест сыновний не сниму.

Любя, как женщину великую
Сводящую меня с ума,
Тебе несу я лиру тихую,
А ты суди меня сама.

СОДЕРЖАНИЕ

Колодец.....	4
«Где же твое королевство...».....	5
«Косые взгляды пешеходов...».....	6
Притяжение.....	7
Возвращение.....	8
Сенокос.....	10
«Я бегу-молодею...».....	11
Кладовка.....	12
«Косы на поле отпели...».....	13
Музыка.....	14
Интермеццо.....	15
Шарманка.....	16
Народное гулянье.....	17
«Дом возвышался над землей...».....	18
«Пилим доски. Визжит циркулярка...».....	19
«Не слышны частушки птичьи...».....	19
Осень.....	20
«Годы выпиты до дна...».....	21
Поэту.....	22
«Войной изранена земля.».....	23
Печальная песня.....	24
Старый дом.....	25
«Пока мы живем, как живется, непросто...».....	26
«Толкаю в воздух створки окон...».....	27
«За мной придут, пленяя счастьем...».....	28
«Изумрудный мотив камыша...».....	29
Ночное предгрозые.....	30
«Дождь отгулял в саду и в поле чистом...».....	31
«Как вечный символ северного края...».....	32
«День приправлен укропом и мятой...».....	34
«Отравлен жизнью черной и порочной...».....	34
Живи, любовь.....	35

«Ты добротой особенной...».....	36
«Я не скажу тебе ни слова...».....	37
«Она бродила по аллее...».....	38
«Не порок – моя бедность...».....	40
«Мы никак не можем встретиться...».....	42
Осень.....	43
«Смеялся ветер над березой...».....	44
Ах!.....	45
«О, как в лесу великолепно!».....	46
Сквозь ветер.....	47
«Посиди со мной, не уходи...».....	48
«Последняя синь уже вышвела...».....	49
Зимний лес.....	50
Метель.....	51
«Зима запрятала дорогу...».....	52
«До глаза дома стоят в снегу...».....	53
«Когда растает в поле снег...».....	54
«Не приеду в город, самый барский...».....	55
«Меня зовет далекий город...».....	56
«Дожди косились на косилки...».....	57
Лето.....	58
Есть на свете ты.....	59
Фантазия.....	61
Муза.....	62
Ария воспоминаний.....	64
«Мои пути всегда без смысла...».....	65
«Все чаще думы о тебе...».....	66
«Не жгу торжественные свечи...».....	68
Прима-балерина.....	69
«Желудем желтым луна на суку...».....	70
Евтерпе.....	70
Цикламены.....	72
На рынке.....	73
Снегопад.....	74
Признание.....	75

Центр социокультурной анимации

«ОДУХОТВОРЕНИЕ»

Поэзия и душа... Эти понятия неотделимы друг от друга. Поэзия одухотворяет и возвышает. Позволяет подняться над земной ограниченностью.

Для нас это — не просто красивые слова. Мы работаем с людьми, которые стремятся к прекрасному, несмотря на слабость больного тела...

Мы — это Центр социокультурной анимации «Одухотворение». Что это значит — «социокультурная анимация»? Для нас это, прежде всего — технология духовно-творческого развития личности. Мы работаем с молодыми инвалидами, стремясь помочь им преодолеть отчуждение от общества и культуры, стремясь помочь им найти себя и самореализоваться в этой непростой жизни. Ведь для людей с ограниченными возможностями это имеет огромное значение, — не менее важное, чем медицинская или социальная помощь.

На данный момент в нашем Центре работают студия бального танца, студия изобразительного искусства, отдел психолого-педагогической помощи, а также издательский отдел.

Наша издательская деятельность

Сборник, который вы держите в руках, появился на свет благодаря работе издательского отдела ЦСА «Одухотворение». Однако спектр нашей издательской деятельности значительно шире. За 3 года было выпущено более 10 изданий, среди которых — методические пособия, сборники статей, посвященные проблемам инвалидов, коллективные и авторские сборники стихов и прозы. Постоянное издание Центра — журнал культурно-творческой интеллигенции инвалидов «Луч Фомальгаута». На его страницах — поэзия, проза, публицистика, живопись и графика авторов из многих регионов России. На его страницах — жизнь людей с ограниченными возможностями, которая для многих окружающих является скрытой за четырьмя стенами...

Если вас заинтересовала деятельность Центра «Одухотворение», то связаться с нами вы можете по следующим адресам:

111555, Москва, ул. Саянская, д. 6 (Б), ГСКЦ «Надежда».
Тел. (095) 307-12-21. Директор: Тарасов Леонид Викторович.
E-mail: leotar@rambler.ru
<http://www.odushtvorenie.narod.ru>

Вы также можете связаться с издательским отделом Центра и заказать журнал «Луч Фомальгаута» и другие наши издания, или высылать нам собственные творческие материалы:

390026, Рязань, ул. 4-я линия, д. 1,
Территориальная организация '3 РОО ВОИ.
Редактору журнала «Луч Фомальгаута» Ирине Поздняковой.
E-mail: fomalhaut7@mail.ru

Выражаем глубокую и искреннюю благодарность
за содействие в издании книги

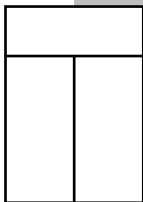
Префекту Северо-восточного округа г. Москвы
Рабер Ирине Яковлевне,
Директору ГСКЦ «Надежда»
Медведевой Людмиле Борисовне,
Комитету общественных связей города Москвы

Николай Жуйков
ГОРЕЧЬ НАДЕЖДЫ
книга лирики

Редактор и составитель: *А.Зенина*
Компьютерная вёрстка: *А.Ильин*
Корректор: *Е.Забелина*
Рисунки: *И.Позднякова*

Гарнитура AGPresquire. Формат: 60x84/32. Тираж: 400 экз.
Отпечатано в «НПЦ «Информационные технологии»
Лицензия серии ПЛД № 66-16 от 20.07.99
г.Рязань, ул.Островского, 21/1. Тел.: (0912) 98-69-84

Цент социокультурной анимации «Одухотворение»
Москва, 2006 г.

Шаг навстречу...
Один только шаг...
Как трудно порой
его сделать — и как
легко перепрыгнуть
любые преграды
на гордой спине
золотого Пегаса —
крылатого друга
ПОЭТОВ...

ШАГ НАВСТРЕЧУ

*Серия «Шаг навстречу»
предлагает Вашему вниманию
книги поэтов-инвалидов*
